

Вл. СОЛОВЬЕВ О МЕСТЕ ПРИНЦИПА ПРАВА В НРАВСТВЕННОМ ПРОГРЕССЕ ОБЩЕСТВА

С.А. Бабаскин, Т.П. Бабаскина

В нравственной философии В. Соловьева мы находим мысль о том, что общественная организация и правовые учреждения имеют определенное значение для нравственного прогресса. В этой мысли нет ничего необычного, если, конечно, не учитывать, что она была высказана, в то время, когда право рассматривалось большинством русских мыслителей как нечто несущественное, внешнее по отношению к нравственной жизни общества. В. Соловьев в начале своего творческого пути также разделял взгляд на русский народ как на народ, который призван исполнить божественную миссию и поэтому он не должен быть обременен земными делами. Все внешние общественные формы, в том числе правовой порядок, не должны иметь для него никакого значения.

Однако со временем его взгляды изменились. Признавая самобытность России, он выступает за принятие и усвоение общечеловеческих форм жизни и знания. Нравственная свобода без должных гарантий со стороны права и государства, считал он, останется фикцией. На почве исторической действительности, далекой от идеала, вполне закономерен вопрос о правовом порядке и политическом устройстве. Но правовое государство, о котором он говорил, не было для него идеалом нравственной солидарности, а только необходимой ступенью к высшей форме общения.

Вера в существование общечеловеческих начал и общечеловеческих идеалов была той основой, из которой В. Соловьев выводил идеи общечеловеческой солидарности. Помимо этого его привлекала мысль о важности культурно-преобразовательной деятельности и активности, что совпадало с его верой в дух, который преобразует греховный мир, просвещая его словом правды.

Этот универсальный дух Христа, который способен все обнять и переродить, есть действительное основание совершенного нравственного порядка. Для вселенского воплощения Духа Христова или явления Царства Божия, необходимо свободное согласие собирательной воли всего человечества. С точки зрения В. Соловьева, нравственное требование об уподоблении Богу обращено к

каждому человеку, но не в отдельности, а лишь вместе с другими. Речь идет, таким образом, об исторически существующем обществе. Тем самым философ заявляет свой тезис о добре, осуществляемом через историю человечества.

Раскрывая этот тезис, В. Соловьев говорит о том, что добро как действительный нравственный порядок, выражающий безусловно должное и желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому. Это называется Царством Божиим. С нравственной точки зрения ясно, что только существование Царства Божия есть окончательная

цель всякой жизни и деятельности, как высшее добро и благо. Стоя же ясно, что действительный нравственный порядок, или Царство Божие, есть дело совершенно общее и вместе с тем личное, потому что каждый хочет его для себя и для всех и только вместе со всеми может получить его. Следовательно, нельзя по существу противопоставлять личность и общество, нельзя спрашивать, что есть цель, а что средство. Такой вопрос предполагал бы реальное существование личности как уединенного и замкнутого круга. На самом же деле единичное лицо есть только средоточие бесконечного множества взаимоотношений с другими. Общество есть дополненная или расширенная личность.

Все изложенное указывает на то, что В. Соловьев сторонник общественного христианства, и для него важно подтвердить осуществление или оправдание добра, прежде всего, в жизни. Подтверждением этого является следующая мысль: «Совершенный нравственный идеал, принимаемый только отвлеченно-теоретически, без объективного воплощения, не производит никакого изменения не только в жизни, но и в действительном нравственном сознании людей, несколько не возвышает их практического мерила для оценки своих и чужих поступков» [3, с. 335].

В русле рассуждений о практическом осуществлении добра, В. Соловьев анализирует вопрос о праве и правовых учреждениях и их соотношении с нравственностью. Он говорит, что отношение между нравственной сферой и правовой есть один из коренных

вопросов практической философии. Это, прежде всего, вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и действительной жизнью. Дело в том, что между идеальным добром и злой действительностью есть промежуточная область права и закона, которая служит воплощению добра и ограничению зла. Право и его воплощение - государство - обслуживают действительную организацию нравственной жизни всего человечества. При отрицательном отношении к праву, как таковому, нравственная проповедь, лишенная объективных средств в чуждой ей реальной среде, осталась бы в лучшем случае пустословием. Само же право при полном отделении своих формальных учреждений от их нравственных принципов и целей потеряло бы свое безусловное основание и, в сущности, ничем не отличалось бы от произвола.

Разграничивая область права и нравственности, В. Соловьев дает определение права, которое впоследствии стало предметом критики со стороны Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева. Он определяет право как низший предел или минимум нравственности. Под этим подразумевается осуществление определенного минимального добра или же устранение известной доли зла.

Философ задается вопросом о том, что, если совершенное добро утверждается в сознании как идеал, то не следует ли предоставить каждому свободно реализовать его в меру своих возможностей. Зачем вообще возводить в закон принудительный минимум нравственности, когда требуется исполнять ее максимум?

Отвечая на этот вопрос, он проводит мысль о том, что нравственный прогресс не является умозрительным, а добро как такое несовместимо с эгоистическим безразличием и равнодушием к людям. Поскольку в понятие добра входит альтруистическое начало с требованием соответствующего дела, т.е. сострадания к другим, побуждающее деятельно избавлять их от зла, то нравственная обязанность никак не может ограничиться одним сознанием и провозглашением совершенного идеала.

Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но человек не может существовать, а, следовательно, и развивать свою свободу и нравственность иначе как в обществе. Тем самым нравственный интерес требует, чтобы личная свобода не противо-

речила условиям существования общества. Этой задаче не может служить идеал нравственного совершенства, предоставленный свободному личному достижению. Этот идеал от признающего его требует любви к врагам, но он не может заставить не признающего его воздерживаться хотя бы от убийств и грабежей. Без существования политически организованного общества нравственность есть только отвлеченное понятие. «Но существование общества, - заявляет В. Соловьев, - зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех» [3, с. 451].

Эта безопасность, не обеспеченная нравственным законом, который не существует для людей с преобладающими антиобщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них. Отсюда он включает, что принудительный закон, не допускающий злую волю до крайних проявлений, разрушающих общество, есть необходимое условие нравственного совершенствования и, как таковое, требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение.

Правовое принуждение, ограждая свободу мирных людей, оставляет достаточный простор, для действия злых наклонностей, и не принуждает никого быть добродетельным. Злой человек может, если хочет проявить свою злобу в интригах, клевете, скандалах и т. д. Когда же злая воля, покушаясь на объективные публичные права ближних, грозит безопасности самого общества, тогда интерес общественного порядка или блага, совпадающий с интересом свободы мирных граждан, должен ограничить свободу зла. Право в интересах свободы позволяет людям быть злыми и не вмешивается в их свободный выбор между злом и добром. Оно только в интересах общего блага препятствует злым людям стать злодеями опасными для самого существования общества. «Задача права, говорит В. Соловьев, вовсе не в том, чтобы лежачий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [3, с.454].

По Соловьеву, право в своем элементе принуждения к минимальному добру, хотя и отличается от нравственности в собственном смысле, но и в этом своем принудительном характере, отвечая требованиям той же нравственности, ни в коем случае не должно ей противоречить. Поэтому если какой-нибудь положительный закон идет вразрез с нравственным сознанием добра, то можно

быть заранее уверенным, что он не отвечает и существенным требованиям права. Такой закон правомерно отменить.

Поскольку принудительность есть одно из существенных отличий права от нравственности, то право требует для себя действительного обеспечения. Закон должен опираться на действительную силу, достаточную для приведения его в исполнение. Другими словами, право должно иметь в обществе действительных носителей, достаточно сильных для того, чтобы издаваемые ими законы могли иметь принудительную силу. Такой силой является государство. Соловьев заявляет, что только в государстве право находит все условия для своего действительного осуществления, и с этой стороны, государство есть воплощенное право.

С его точки зрения, государство, как действительное историческое воплощение людской солидарности, есть реальное условие общечеловеческого дела, т.е. осуществление добра в мире. Этот реально-нравственный характер государства не означает, однако, что оно само уже есть безусловное начало нравственности, высшая цель жизни, верховное добро и благо.

Анализируя исторические типы абсолютных монархий, он приходит к выводу, что ни римская империя, ни восточная деспотия, ни западноевропейский абсолютизм не отвечали требованиям безусловного нравственного начала [2]. Только Византийская империя характеризуется тем, что признает в государстве сверхправовое начало, которое, не будучи производным существующих правовых отношений, может и призвано самостоятельно изменять их согласно требованиям высшей правды. Однако идея абсолютной монархии или христианского царства утвердилась в Византии в отвлеченной форме и не совсем последовательно. Тем не менее, именно здесь императорская власть, как считал Соловьев, могла почитаться лишь как особое служение истинному Богу. С христианской точки зрения, власть императора могла пониматься только как делегирование власти Христовой. Понятием государственной власти, как делегирования свыше, устраняется в принципе возможность личного произвола и утверждается верховенство безусловного нравственного идеала. Понятно, что делегирование должно исполняться в том смысле, в каком оно дано, т.е. в духе и интересе доверителя. А что соответствует духу Христа, что должно быть, при данных условиях и обстоятельствах - это для христиани-

на решается его совестью и этому решению личной совести принадлежит окончательное значение в управлении государством, согласно христианской идее. Христианская монархия есть самодержавие совести. Носитель верховной власти, порученной ему от Бога, не подлежит никаким ограничениям, кроме нравственных. Он может все, что согласуется с совестью, и не должен ничего, что ей противоречит.

Он не должен зависеть от общественного мнения, поскольку общественное мнение может быть ложным. Он не есть слуга народной воли, потому что воля народа может быть безнравственной. Он поставлен выше всего этого, - он есть служитель и представитель только того, что по существу не может быть дурным, - воли Божьей, и величие такого положения равно только величию его ответственности.

Соловьев утверждал, что особая задача верховной власти определяется ее положением как посредника между безусловным нравственным идеалом и данной правовой организацией общества. Право есть равновесие частного и общего интереса. Но обе стороны заинтересованы не только в поддержании своего существования, или в сохранении данного общественного состояния, но и в его усовершенствовании. Право есть условное осуществление нравственного начала в данной общественной среде. Как условное оно несовершенно. Но как осуществление нравственного начала, которое само по себе безусловно, оно подлежит совершенствованию. Положительные законы, управляющие жизнью общества, должны становиться все более и более справедливыми и человеколюбивыми, как сами по себе, так и в своем применении.

Чтобы этот прогресс правового состояния в нравственном смысле был успешен и достоин своей цели, он должен быть делом человеческой свободы и, вместе с тем, не может быть предоставлен произволу частных людей. Поэтому необходимо делегирование божественной власти христианскому самодержцу с его безусловной свободой и безусловной ответственностью.

Проповедуя идею теократии, В. Соловьев следует своей главной идее - идее мирового всеединства, вселенской гармонии. Поэтому миссия христианского самодержца состоит в том, чтобы осуществить нравственное начало во всем мире, сделать отношения между народами более справедливыми и гуманными. Как служитель правды Божьей, он

должен делать то, что в данных условиях наиболее способствует окончательному объединению всего мира в духе Христовом.

Таковы, в сущности, взгляды русского философа на те внешние, условные формы нравственного прогресса, каковыми являются право и государство.

Здесь, однако, нельзя не сказать, что существовала другая точка зрения на нравственный прогресс. Так, Л. Толстой развивал учение, известное как «непротivление злу насилieм». Это учение вызвало заочную полемику между В. Соловьевым и Л. Толстым [1].

В основе этого учения, как отмечал сам Л. Толстой, лежит не «личное» и не «общественное», а «христианское, божественное». Вся сфера земных человеческих начинаний теряет свое значение перед божественным. Осуществлять в мире и в человеческих отношениях закон Божий - это основа морали. Путь же к этому осуществлению есть любовь. Любовь вызывает любовь других.

Весь путь нравственного прогресса для Л. Толстого сводится к внутреннему совершенствованию личности, которое в то же время есть и совершенствование общества. Всякое истинное просвещение и воспитание себя неизбежно просвещает и воспитывает других. Это действие нравственного просвещения личности не может иметь пределов, не может остановиться на какой-либо частной группе лиц и ограничиться ею. Истинное просвещение объемлет всех, все человечество общим законом любви.

Убежденность Л. Толстого в том, что только полное и всецелое единство спасет людей от зла, побуждает его отрицать всякое объединение малых и больших групп человечества во имя ограниченных частных целей. Такие союзы как семья, партии и государство, с его точки зрения, не только не содействуют, но в большей мере препятствуют истинному прогрессу человечества

В тесной связи с этим моральным абсолютизмом стоит и убеждение Толстого, что всякая общественная детальность бесплодна и не нужна, что истинное социальное улучшение достигается религиозно-нравственным самосовершенствованием отдельных личностей. Личное совершенствование, ведущее к

единению всех на религиозной основе - вот путь истинного прогресса.

Бесспорно, что если бы все люди были совершенны, то совершенно было бы все человечество, однако для Соловьева важно было подчеркнуть, что мы не на высоте абсолютного идеала, хотя и стремимся к нему, а в мире относительных форм. Поэтому для развития человеческой свободы и нравственности необходимо общество. Без существования общества нравственность есть только абстрактное понятие. Общество же существует только при гарантии безопасности всех и каждого, а не потому, что кто-то желает стать нравственно совершенным. Безопасность не может охраняться одним законом, который остается недейственным для людей с преобладающими антиобщественными инстинктами. Нужны законы, санкционируемые такой внешней силой, каковой является государство. Устранение же права, вытекающее из учения «непротivления злу насилieм» сделало бы саму жизнь в обществе невозможной.

Завершая анализ обсуждаемого вопроса, отметим, что Соловьев не боготворил право и государство, но он понимал, что правовая организация является для современного общества организацией, которая открыта всем людям без различия их уровня культурного развития и их нравственных характеристик. Общество же, о котором вел речь Толстой, требует особого рода людей с определенными качествами и, прежде всего, с высокой моралью. Такого общества на данном этапе нет. Двигаясь к такому обществу, говорил Соловьев, мы не обойдемся без права, которое, являясь преходящей формой человеческого общежития, неизбежно на почве существующей действительности.

Литература

1. Новгородцев П.И. Идея права в философии В.С. Соловьева //Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 296-297.
2. Соловьев В. С. Значение государства //Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1989. – С.549-561.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра //Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1988. – Т.1. – С.47-580.